

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Погорелов Михаил Александрович

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В
РСФСР В 1918–1930 гг.

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Христофоров Игорь Анатольевич,
доктор исторических наук

Москва
2022

Одно из обещаний Февральской революции 1917 г., подхваченное большевиками, — искоренить преступность, перевоспитать преступников и сделать тюрьмы ненужными. Марксистские теоретики были убеждены, что тюрьмы возникли вместе с капитализмом и являются институтом классового подавления. В новом бесклассовом обществе преступность и тюрьмы должны были уйти в прошлое. В рамках переходного периода после революции 1917 г. большевики и эксперты стремились заменить тюрьмы альтернативными пенитенциарными учреждениями — исправительными домами, реформаториями и колониями. Этот эксперимент, воплощающий одновременно как революционную идеологию, так и авангардные идеи современной педологии, ставил целью сделать из подавляемого арестанта царских времен советского гражданина, обретающего сознательность и вступающего в новое социалистическое общество. В данном диссертационном исследовании рассматривается этот процесс реформирования пенитенциарной системы, проводившийся Народными комиссариатами юстиции и внутренних дел РСФСР в 1918-1930 гг.

Актуальность исследования. Исправительная колония является основным типом пенитенциарных учреждений в современной России. Хотя об этом редко вспоминают, появление колоний связано с послереволюционной реформой, когда новая советская власть стремилась заменить царские тюрьмы новыми исправительными учреждениями. В результате, колония пережила целое столетие, однако едва ли в нынешнем виде она соответствует тому, какой ее задумывали изначально. Как показывают исследователи, в постсоветской России попытки реформировать пенитенциарную систему провалились, а современная пенитенциарная система, несмотря на риторику исправления, сохраняет суровость наказания¹. Учреждения системы исполнения наказаний являются, фактически, карательными, а не исправительными². Таким образом, вопрос о раннесоветской тюремной реформе не исчерпывается исключительно исторической актуальностью, а тесно связан с современностью. Проблемы, которые пытались решить пенитенциарные реформаторы в 1920-е гг., — преодоление рецидивизма, реабилитация и ресоциализация заключенных, попытка искоренить карательные элементы режима в тюрьмах и постепенно уйти от лишения свободы к альтернативным санкциям, — стоят перед российской пенитенциарной системой до сих пор.

Одновременно, изучение раннесоветской пенитенциарной системы может расширить наше понимание эпохи НЭПа. Идеология пенитенциарной реформы характеризовалась утопизмом, общим для раннесоветского времени. Попытка заменить старые царские тюрьмы альтернативными исправительными учреждениями осмыслялась в контексте строительства нового общества и нового человека.

Как в историографии, так и в публичном дискурсе сложился стереотип, в соответствии с которым исправительно-трудовые лагеря ОГПУ, организованные в 1929 г., рассматриваются как неизбежное следствие прихода к власти большевиков, красного террора и распространения концентрационных лагерей во время гражданской войны. При такой интерпретации системе обычных мест заключения, которая была

¹ Пэллот Дж. ГУЛАГ как горнило российской пенитенциарной системы XXI века // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения и исторический контекст. СПб., 2020. С. 542-597.

² Рунова К. Ресоциализация в местах лишения свободы в России. Аналитический обзор. М., 2018. С. 5, 8.

преобладающей в этот период, не уделяется серьезного внимания. В то время как фокус общественного интереса был направлен преимущественно на политические репрессии 1920-х гг., в годы НЭПа «обычные» осужденные составляли подавляющее большинство заключенных. Эта диссертация показывает, в частности, что переход к ГУЛАГу не был «запрограммирован». Скорее, он оказался востребован при начале сталинского Великого перелома в 1929 г., когда начинаются масштабные лагерные строительства ОГПУ и использование труда заключенных на массовых производствах в годы первых пятилеток.

Наконец, это диссертационное исследование вписывает раннесоветскую пенитенциарную реформу в международный контекст. Несмотря на риторику исключительности, Советская Россия следовала в русле современных пенитенциарных трендов, которые разрабатывались и реализовывались в других странах. Позитивистская криминология, которая начала формироваться в последней четверти XIX в., уже к началу XX в. ощутимо влияла на пенитенциарную политику. В первой четверти XX в. правительства и эксперты во многих странах пытались ввести новые «современные» практики в свои пенитенциарные системы. Опираясь на опыт международного движения за реформу тюрем и немарксистских экспертов, раннесоветские реформаторы переосмыслили его через призму марксистской идеологии. Позиционируя себе как альтернативу «капиталистическим» пенитенциарным системам, советская тюрьма в то же время опиралась на тот же набор инструментов, наполняя его новым идеологическим содержанием³.

Историографический анализ. Переоценка истории послереволюционной пенитенциарной системы связана, в первую очередь, с ревизионистской историографией. В своей статье, опубликованной в 1980 г., Питер Соломон опровергает традиционный нарратив, что пенитенциарная система до 1929 г. представляла собой лишь подготовительный этап ГУЛАГа⁴. Как он пишет, доминирующей в эти годы была прогрессивная политика, осуществлявшаяся НКЮ и НКВД. Таким образом, речь идет не о «прямой линии» между концлагерьями гражданской войны и ГУЛАГом, а о резком разрыве в тюремной политике до и после выхода постановления СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» 11 июля 1929 г.⁵. Как подчеркивает П. Соломон, прогрессивная политика была оставлена не из-за реальных сложностей в ее осуществлении, а из-за запроса политического руководства на трудовые ресурсы вслед за началом форсированной индустриализации⁶. В 1993 г. была опубликована монография Майкла Джекобсона, посвященная комплексному исследованию советских лагерей, тюрем и их административных структур с октября 1917 г. по октябрь 1934 г.⁷. Автор подробно описывает организационную структуру администрации мест заключения и ведомственную борьбу. По мнению М. Джекобсона, возникновение

³ Holquist P. What's so Revolutionary about the Russian Revolution? State Practices and the New-Style Politics, 1914–21 // *Russian Modernity*. London, 2000. P. 87–111.

⁴ Solomon P.H. Soviet Penal Policy, 1917-1934: A Reinterpretation // *Slavic Review*. 1980. Vol. 39. № 2. P. 195-217.

⁵ Ibid. P. 196.

⁶ Ibid. P. 216.

⁷ Jakobson M. *Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917-1934*. Lexington, 1993.

ГУЛАГа стало результатом коллективизации и сопутствующих ей массовых репрессий⁸. Все основные недостатки этой работы вытекают из того, что она опирается на достаточно ограниченный круг опубликованных источников⁹. В своей диссертации (1998) Элен Уимберг привлекла значительный массив архивных документов, что позволило ей детализировано описать основные элементы тюремной политики НКЮ и НКВД в 1920-е гг.¹⁰. Она соглашается, что окончательным ударом по прогрессивной политике стал Великий перелом и начало форсированной индустриализации¹¹. В то же время, Э. Уимберг подчеркивает, что к провалу «утопической» политики ГУМЗ привели и «внутренние» недостатки, присущие самой системе: отсутствие координации между центром и местами, неспособность центральной администрации контролировать исполнение своих циркуляров на местах, финансовые трудности и ограниченные местные бюджеты, непрофессиональные кадры и коррупция¹². Диссертация Э. Уимберг оставляет открытыми ряд вопросов: в ней не затронута роль экспертов и экспертного знания в реформе, практически не рассматривается отход от прогрессивной политики ГУМЗ в конце 1920-х гг., а также многие принципиальные дискуссии, которые шли среди администраторов и ученых в этот период. В этой диссертации, привлекая более широкий круг источников, я сосредоточусь на тех вопросах, которые не рассмотрены в диссертации Э. Уимберг, а также пересмотрю те темы, которые были изучены в ее работе.

В русскоязычной историографии большая часть исследований была сфокусирована на изучении ГУЛАГа, в то время как пенитенциарная реформа 1920-е гг. оставались в тени. С данной темой работали, главным образом, правоведы, сохраняя традиции ведомственной истории (А.С. Смыкалин, М.Г. Детков, Ю.А. Реент и др.)¹³. В этом ряду нужно отметить диссертацию С.А. Гаранжа, который провел тщательную архивную работу и, в числе прочего, рассмотрел ведомственные дискуссии, стоявшие за принятием ключевых постановлений конца 1920-х гг.¹⁴. В последние двадцать лет

⁸ Ibid. P. 143.

⁹ Wimberg E.M. Review of: Jakobson M. *Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917-1934* // *Europe-Asia Studies*. 1995. Vol. 47. № 2. P. 362-363; Solomon P.H. Review of: Jakobson M. *Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917-1934* // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 1. P. 190-192.

¹⁰ Wimberg E. M. *Replacing the Shackles: Soviet Penal Theory, Policy and Practice, 1917-1930*. Pittsburgh, 1998.

¹¹ Ibid. P. 194.

¹² Ibid. P. 194.

¹³ Кузьмин С.И. *Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.)*. М., 1991; Стручков Н.А. *Принятие Основ исправительно-трудового законодательства и дальнейшее развитие правового регулирования исполнения наказания*. Рязань, 1988; Ястребов А.В. *Первый советский Исправительно-трудовой кодекс: дис. ... к. юрид. н. М., 1987*. *Постсоветская историография: Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России: исторический очерк*. М., 2009; Смыкалин А.С. *Колонии и тюрьмы в Советской России*. Екатеринбург, 1997; Смыкалин А.С. *Пенитенциарная система советской России 1917-начала 60-х гг.: Историко-юридическое исследование: дис. ... д. юрид. н. Екатеринбург, 1998*; Христофорова Е. И. *Режим в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР (1929–1941 гг.): дис. ... к. юрид. н. М., 2002*; Гаранжа С.А. *Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 гг.: дисс. ... к. юрид. н. М., 2012*; Реент Ю. А., Жигалев А. В. *Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921–1940 гг.)*. М., 2018.

¹⁴ Гаранжа С. А. *Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 гг.* С. 189-193.

выходит относительно много исследований, выполненных на региональном материале, в основном, на документальных базах Урала, Сибири и Дальнего Востока¹⁵. Основной фокус этих работ сосредоточен на истории ГУЛАГа, однако некоторые целиком посвящены пенитенциарной политике и функционировании мест заключения 1920-х гг. В первую очередь, конечно, эти работы ценны тем, что выполнены на материалах местных архивов и показывают реализацию тюремной политики центра в региональных измерениях.

Кооперация криминологов и нового советского государство наиболее подробно рассмотрена в работе Шэрон Ковальски. Как она отмечает, хотя криминологические учреждения существовали при полном контроле государства и были ограничены в своих исследованиях, тем не менее, это не помешало им развернуть масштабную научную деятельность. Ш. Ковальски видит основное противоречие этой науки, которое и привело к ее разгрому и распаду в конце 1920-х гг., с одной стороны, в стремлении к свободным исследованиям и построению независимой картины преступности и, советского общества; а, с другой, в обслуживании государства и существовании внутри государственных структур. Как пишет Ш. Ковальски, «полная зависимость от государства ограничивала сферу деятельности [криминологов], лишала их самостоятельности, не позволяла предложить по-настоящему альтернативный взгляд на советское общество»¹⁶.

Не оспаривая принципиально нарратив, который предлагает Ш. Ковальски, в этой диссертации я предлагаю ряд корректировок. Ш. Ковальски описывает раннесоветскую криминологию с точки зрения классического определения «либеральных профессий», когда профессионалы по определению либо развиваются как автономные от государства, либо стремятся к автономности от него. В то же время, ученые сознательно строили криминологию как часть государственных институтов и государственной политики. Далее, мне кажется спорным утверждение Ш. Ковальски о полном контроле государства над академическими и прикладными исследованиями преступности в 1920-

¹⁵ Потапов М.Г. Книга в пенитенциарных учреждениях Сибири: 20-е годы XX века: дис. ... к. ист. н. Новосибирск, 2003; Рубинов М.В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы, 1918-1934 гг. (по материалам Урала): дис. ... к. ист. н. Пермь, 2000; Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х-середина 1950-х гг.: дис. ... к. ист. н. Пермь, 2008; Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918-1956 гг.): дис. ... к. ист. н. Тюмень, 2004; Евсеев И.В. Формирование и развитие исправительно-трудовой системы СССР, 1918-1941 гг. (на примере Южно-Уральского региона): историко-правовой аспект: дис. ... к. юрид. н. Саратов, 2010; Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ... к. ист. н. Омск, 2011; Абдулаев К.М. История становления и развития системы исправительных учреждений в Дагестане в 20-30-е годы XX века: дис. ... к. ист. н. Махачкала, 2005; Суш С.П. История уголовно-исправительной системы Бурят-Монгольской АССР: нач. 20-х – нач. 50-х гг. XX в.: дис. ... к. ист. н. Улан-Удэ, 2007; Бобков М.Ю. Становление и развитие советских пенитенциарных учреждений Приамурья в 20-30 гг. XX века: дис. ... к. ист. н. Хабаровск, 2008; Кузьмина М.А. Использование принудительного труда заключенных на «великих сталинских стройках» в Нижнем Приамурье (1929-1955 гг.): дис. ... к. ист. н. Комсомольск-на-Амуре, 2004; Куденко Н.В. Реализация политики советского государства в отношении деклассированных групп населения на Алтае в 1920-е – 1930-е гг.: дис. ... к. ист. н. Барнаул, 2018.

¹⁶ Ковальски Ш. Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880-1930). СПб., 2021. С. 133-134.

е гг. Последние оставались свободными от идеологического контроля вплоть до 1929 г., а криминологические институты, хотя институционально и встроенные в административные структуры, имели относительную автономию в проведении собственной научной политики. Эксперты были инкорпорированы в органы местной власти и получили ресурсы для реализации своих целей, оказавшись, таким образом, главными бенефициарами кооперации с властями. Тот факт, что в условиях 1920-х гг. они смогли построить такие институты и проводить такие исследования, которые отвечали их задачам и представлениям о науке, является лучшей иллюстрацией для подтверждения этого аргумента. Наоборот, стремительное вытеснение экспертов, лишившихся своих патронов в советских наркоматах, из пенитенциарной системы после 1929-1930 гг. также свидетельствует, что в новых условиях основанная на научном знании политика больше не была востребована. Институционализация криминологии и «интервенции» профессионалов в пенитенциарную систему являются свидетельством того, как ученые использовали послереволюционную ситуацию в своих целях, выстраивая новые научные дисциплины и институты.

Объектом исследования является комплекс источников, относящийся к реформированию советской пенитенциарной системы в указанных хронологических рамках и включающий законодательные и делопроизводственные документы, источники личного происхождения, периодическую печать и научные работы (см. раздел *источники*).

Предмет исследования — реформирование пенитенциарной системы, проводившееся последовательно Центральным карательным отделом (далее — ЦКО) и Центральным исправительно-трудовым отделом (далее — ЦИТО) Народного комиссариата юстиции и Главным управлением мест заключения (далее — ГУМЗ) Народного комиссариата внутренних дел РСФСР¹⁷.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 до 1930 г.: от первых экспериментов Народного комиссариата юстиции РСФСР, который был преемником царского Главного тюремного управления Российской империи и Главного управления местами заключения Временного правительства, до роспуска НКВД РСФСР.

Территориальные рамки исследования — границы РСФСР в рассматриваемый период, на которую распространялась юрисдикция Главного управления мест заключения НКВД РСФСР и которая покрывала большую часть СССР.

Цель исследования состоит в выявлении реформирования пенитенциарной системы 1918–1930 гг. как целостного процесса, включая предпосылки, программу и реализацию, роль экспертов и научного знания в разработке и осуществлении пенитенциарной политики.

Все это определяет **задачи** исследования:

¹⁷ Термин «прогрессивная система», в данном случае, подразумевает индивидуализированное обращение с осужденным, разделение заключенных по категориям и учреждениям, в зависимости от поведения и характера личности. Здесь я слеую определению П. Соломона, который выделяет два основных принципа прогрессивной политики: смягчение (широкое использование условно-досрочного освобождения, и санкций, не связанных с лишением свободы, штрафы, условные осуждения и пр.) и дифференциация наказаний (Solomon P. H. Soviet Penal Policy, 1917-1934. P. 196).

- выявить комплекс идей и идеологических установок, который лежал в основе раннесоветской пенитенциарной реформы;
- рассмотреть, когда и при каких условиях было начато реформирование пенитенциарной системы, как оно проводилось и выявить, в чем состояли причины его провала в первые годы после революции;
- охарактеризовать органы управления и кадровый состав пенитенциарной системы Главного управления мест заключения НКВД РСФСР;
- проанализировать, как на уровне практики работали основные институты пенитенциарной системы;
- показать роль немарксистских экспертов и научного знания в реформировании советской пенитенциарной системы;
- рассмотреть реализацию раннесоветского *исправления* на примере образования и самоуправления заключенных;
- изучить практику пенитенциарного труда в раннесоветских тюрьмах;
- выявить политические, ведомственные и технологические причины свертывания пенитенциарной реформы ГУМЗ в 1928-1930 гг.

Методология. Данное диссертационное исследование основано на общих принципах историзма, научной объективности и системности. Кроме того, работая над исследованием, принимался во внимание ряд подходов, выработанных в исторических исследованиях, а также концепции и методология из социологии знания, науки и научных дисциплин¹⁸. При изучении организации раннесоветской криминологии использовались подходы социальной и институциональной истории советской науки¹⁹. При анализе международного движения за тюремную реформу, а также циркуляции идей и знаний в пенеологии, были использованы подходы транснациональной истории²⁰.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в историографии:

- показано, что программа раннесоветской пенитенциарной реформы была разработана в контексте и в связи с международным движением за реформу тюрем и представляет таким образом, вариацию глобальной тюремной реформы; показаны параллели с тюремными реформами в других странах и выдвинут тезис о том, что необходимо рассматривать раннесоветский опыт в этой сфере в более

¹⁸ Abbott A. Linked Ecologies: States and Universities as Environments for Professions // *Sociological Theory*. 2005. № 3. P. 245-274; Abbott A. *The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago, 1988.

¹⁹ Колчинский Э.Н. Биология Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. М., 2006; Кременцов Н. Международная евгеника и российской медицинское сообщество, 1900-1917 // *Историко-биологические исследования*. 2015. Т. 7. № 1. С. 7-41; Кременцов Н. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском союзе // *Историко-биологические исследования*. 2014. Т.6. № 2. С. 24-57; Kremenstov N. *Stalinist science*. Princeton, 1996; Solomon S.G. *The limits of government patronage of sciences: social hygiene and the soviet state, 1920-1930* // *Social history of medicine*. 1990. № 3. P. 405-435; Byford A. *Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet Russia*. Oxford, 2020.

²⁰ *The Palgrave Dictionary of Transnational History. From the mid-19th century to the present day*. Basingstoke, 2009; Saunier P. *Transnational History*. Basingstoke, 2013.

широком международном контексте, так как Советская Россия не была исключительной в этом отношении.

- выявлена роль экспертов в разработке пенитенциарной реформы; показано, что немарксистские ученые привлекались к сотрудничеству администраторами ЦКО-ЦИТО и ГУМЗ, благодаря чему у них появлялись возможности для организации криминологических учреждений и исследований.
- воссоздан контекст и предпосылки свертывания тюремной реформы в 1929-1930 гг. Обоснован вывод о том, что вплоть до начала 1929 г. в основе пенитенциарной политики была экспертиза Государственного института изучения преступности и преступника и только весной — летом 1929 г., в результате вмешательства политического руководства, она подверглась радикальным изменениям.

В диссертации впервые представлены следующие новые темы и источники:

- рассмотрены проекты пенитенциарной реформы в Москве и Петрограде в 1918-1919 гг., а также показана история пилотных проектов (Петроградской колонии и 1-го Российского реформатория).
- впервые на основе архивных документов описана деятельность Диагностического Института в Петрограде и секции криминальной психологии Московского Психоневрологического института.
- введены в научный оборот материалы периодической печати заключенных, которые ранее комплексно не исследовались учеными.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

Исследовательская проблема данного диссертационного исследования находится на пересечении нескольких исследовательских полей — истории экспертного знания, истории тюрем и пенитенциарной политики. Соответственно, теоретическая значимость работы заключается в том, что показана связь между научным знанием и пенитенциарной политикой. В практических целях результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и историографических работ по советской истории.

Источниковая база исследования. При подготовке диссертации были использованы источники различной видовой принадлежности.

Источниковедческую базу диссертационного исследования составили **законодательные источники**, регулирующие пенитенциарную практику. Во-первых, это законодательные акты, принятые высшими советскими законодательными и правительственными органами (Советы народных комиссаров РСФСР и СССР, Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР): постановления, декреты, законы, кодексы. Во-вторых, подзаконные акты: ведомственные циркуляры и приказы, положения, уставы и инструкции, относящие к компетенции ведомств, ответственных за пенитенциарную политику (Наркомюст, НКВД, Наркомздрав и некоторые другие). Часть из них опубликована в специальных ведомственных сборниках, большая же часть хранится в соответствующих фондах государственных архивов²¹.

²¹ Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917–1920 гг. М., 1921; Действующие распоряжения по местам заключения. Систематический сборник с пояснениями. М., 1929.

Основным массивом источников, задействованным в исследовании, являются *делопроизводственные документы государственных учреждений*. В первую очередь, это документы архивных коллекций Главного архива Российской Федерации в Москве (далее — ГАРФ). Диссертация основана на документах фондов Главного управления мест заключения НКВД РСФСР (ф. Р-4042), Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (ф. Р-393), Народного комиссариата здравоохранения (ф. А-482) и Народного комиссариата юстиции (ф. А-353), в ведении которого находились места заключения в 1918-1922 гг. Кроме того, привлекались материалы Главного тюремного управления Российской империи (ф. 122) и Главного управления мест заключения Временного правительства (ф. 7420). В последний попали документы Центрального карательного отдела НКЮ вплоть до 1921 г., непосредственно имеющие отношение к теме этой работы. Далее, использовались дела фонда А-2307 (Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР), в котором были обнаружены документы по работе отдела криминальной психологии Государственного Московского психоневрологического института. Кроме того, были привлечены дела фонда Отдела здравоохранения исполкома Ленинградского губернского совета (ф. 4301) и отдельный фонд Диагностического Института (ф. Р-2895) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Также использовались документы фонда Института советского строительства и права (ф. 360) Архива Российской академии наук.

Важное место среди материалов исследования занимают *источники личного происхождения*. В первую очередь, это фонды личного происхождения, хранящиеся в государственных архивах. Так, были привлечены личные архивы крупнейших юристов этого периода, сыгравших ключевую роль в организации криминологических исследований в Советской России в 1920-е гг.: М.Н. Гернета (1874-1953) (Фонд рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 603), А.А. Жижиленко (1873-1930) и П.И. Люблинского (1882-1938) (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, фонды 223 и 448). Кроме того, это документы из фонда психолога и сотрудницы Государственного Института по изучению преступности и преступника А.Е. Петровой (ГАРФ, ф. А-624). Документы этих фондов включают личную и рабочую переписку, заметки и черновики публикаций, автобиографии, личные документы разного рода. Во-вторых, это опубликованные воспоминания ученых²² и бывших заключенных²³.

Периодическая печать составляет другую ключевую группу источников. Журналы и газеты, которые использовались в диссертационном исследовании, можно разделить на три большие группы: академическая печать, ведомственная печать и пресса заключенных. Кроме того, в меньшем масштабе привлекались материалы из советской общественно-политической прессы 1920-х гг. *Академическая печать* включает журналы по праву и медицине (в первую очередь — психиатрии): «Право и жизнь», «Советское право», «Революция права» и др.²⁴. *Ведомственная печать* охватывает издания

²² Утевский Б. Воспоминания юриста. М. 1989.

²³ Безсонов Ю.Д. 26 тюрем и побег с Соловков. М., 2019; Арманд Д.Л. Путь теософа в стране Советов: воспоминания. М., 2009.

²⁴ См.: Ящук Т.В. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения // Вестник Омского университета. 1999. № 1. С. 111-114.

ведомств, отвечавших за пенитенциарную политику: «Тюремный вестник», «Административный вестник», «Вестник советской юстиции», «Еженедельник советской юстиции», «Рабочий суд», «Пролетарская революция и право» и др. В рамках работы над диссертацией использовались также материалы *пресса заключенных*. Были привлечены тринадцать газет и журналов, которые издавались в местах заключения Винницы, Витебска, Вятки, Иркутска, Красноярска, Ленинграда, Москвы, Оренбурга, Орла, Пензы, Перми, Самары и Саратова. Этот тип источника позволяет выйти на «повседневный» уровень (который обычно искажается оптикой традиционных ведомственных документов), и, в частности, посмотреть, как функционировали созданные в рамках реформы новые институты внутри мест заключения: самоуправление, распределительные и наблюдательные комиссии, учебно-воспитательные части, школы и т.д.

Научные работы, связанные с институционализацией и развитием криминологических исследований, составили важную источниковую базу исследования: это монографии, научные сборники, диссертации, статьи и др. жанры научных работ, отчеты, протоколы научных совещаний и съездов и пр.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Раннесоветская пенитенциарная реформа не была основана исключительно на марксистской традиции, а отражала глобальные тренды в пенитенциарной теории и практике. Несмотря на идеологию исключительности, во многих аспектах советская пенитенциарная политика 1920-х гг. адаптировала идеи и институты, существовавшие и в других странах.
2. Реформирование пенитенциарной системы в послереволюционной России опиралось на «прогрессивную систему» и научное знание. Однако их внедрение натолкнулось на ряд критических препятствий: непрофессионализм кадров; сбои в функционировании новых институтов и процедур; проблемы с управляемостью; неспособность поддерживать режим и распространение организованных форм сопротивления заключенных.
3. Немарксистские эксперты сыграли ключевую роль в реформировании советской пенитенциарной системы. Институционально зависимые от государства, криминологи обрели, тем не менее, определенную степень автономии. Эксперты (психиатры, юристы и представители других специальностей, изучающие преступность) преуспели в переговорах с представителями государства и получили возможности и ресурсы для организации криминологических учреждений под патронажем ГУМЗ и других ведомств.
4. Раннесоветское *исправление* подразумевало ряд педагогических техник и практик (образование, самоуправление, послетюремная помощь), которые были направлены как на реабилитацию заключенных, так и на культивирование в них социалистического самосознания. В результате «Великого перелома» и начала социалистического строительства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. эти методы перестают рассматриваться как самоценные элементы *исправления*, а мобилизуются на реализацию производственных задач, в результате чего реабилитационная функция пенитенциарных учреждений вытесняется на второй план и постепенно исчезает.

5. Раннесоветские реформаторы рассматривали труд как инструмент реабилитации заключенных и как возможность получения ими профессиональных навыков. Переход к форсированной индустриализации в конце 1920-х гг. сместил акценты с труда как исправительного метода к его использованию как ресурса для выполнения производственных целей.
6. Сталинский «Великий перелом» в конце 1920-х гг. привел к свертыванию пенитенциарной реформы. Несмотря на те трудности, с которыми сталкивалось ГУЗМ при реформировании советских тюрем, по крайней мере до 1929 г. советское правительство поддерживало эту реформу. Курс И.В. Сталина на форсированную индустриализацию привел к радикальному пересмотру пенитенциарной политики. Не заинтересованное в неэффективной с экономической точки зрения пенитенциарной системе ГУМЗ, сталинское политическое руководство сделало ставку на организацию исправительно-трудовых лагерей под руководством ОГПУ в 1929 г. В 1929-1930 гг. ГУМЗ продолжало бороться за сохранение под своим руководством части пенитенциарной системы, что привело к политизации ведомства, которое втянулось в кампанию по организации колоний и взяло на вооружение риторику классовой борьбы. Тем не менее, ведомственный конфликт с конкурирующими ведомствами (НКЮ и ОГПУ) привел к упразднению НКВД и подотчетного ему ГУМЗ в 1930 г., передаче мест заключения Наркомюсту и фактическому окончанию пенитенциарной реформы.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Результаты работы были представлены на восьми конференциях, семинарах и коллоквиумах.

Структура и основное содержание работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы.

Во **введении** обоснована актуальность диссертационного исследования, проведен историографический анализ, сделан обзор источников и методологии, обозначены предмет и объект исследования, поставлена цель и определены задачи работы, территориальные и хронологические рамки.

В **первой главе** рассматривается пенитенциарная реформа Народного комиссариата юстиции, осуществлявшаяся в 1918-1922 гг.

В *первом параграфе* показано, что раннесоветская тюремная реформа опиралась на международное движение, оформившееся накануне Первой мировой войны. *Прогрессивная система*, принятая советской пенитенциарной администрацией после революции, стала результатом критики одиночного заключения, попыток уйти от унифицированного подхода к заключенному и найти альтернативы лишению свободы. Проанализированы источники идеологии раннесоветской тюремной реформы и показано, что они включали не только марксистскую традицию, но и детерминистские криминологические теории, которые активно развивались в первой четверти XX в.

Во *втором параграфе* рассматривается начальный этап пенитенциарной реформы, проводившейся Центральным карательным отделом Наркомюста в период с 1918 по 1922 гг. На фоне падающей численности тюремного населения в 1918 г. руководство ЦКО верило, что ему действительно удастся закрыть старые тюрьмы и перевести заключенных в колонии, организованные на новых принципах. Однако гражданская

война привела к росту инкарцерации и вынудила вновь ввести в строй места заключения. При отсутствии ресурсов, нехватке кадров и слабой поддержке на местах ЦКО оказался неспособен осуществить амбициозную программу пенитенциарной реформы. Привлечение к разработке тюремной реформы экспертов в 1918 г. сыграло свою роль в формировании концепции тюремной реформы. Рассмотрены два экспериментальных пенитенциарных учреждения, созданные в 1918–1920 гг.: Петроградская колония и 1-й Российский реформаторий в Москве.

Во **второй главе** рассматриваются организация и органы управления ГУМЗ, а также кадровый состав мест заключения.

Первый параграф посвящен анализу администрации и кадров. Показано, что центральный аппарат ГУМЗ на протяжении 1920-х гг. не имел полного контроля над местными управлениями мест заключения, которые административно и финансово зависели от исполкомов. Пенитенциарные учреждения хронически недофинансировались: большая часть из них находилась на местном бюджете и получала деньги по остаточному принципу. Одним из ключевых факторов, препятствующим осуществлению реформы, стал кадровый вопрос. С одной стороны, данные показывают профессионализацию центрального аппарата ГУМЗ. С другой, персонал на местах кардинально отличался от кадров в Москве. Плохие условия работы приводили к текучести кадров, что не позволяло создать корпус опытных и лояльных надзирателей. Исследование администраторов среднего и высшего уровня (начальников тюрем и губернских инспекторов мест заключения, а также начальников республиканских ГУМЗ) показало, что в большинстве случаев это были не имеющие профильной подготовки и опыта выходцы из структур РККА или милиции, обязанные своим новым местом партийной принадлежности и участию в гражданской войне.

Во втором параграфе рассмотрены основные институты, созданные в рамках раннесоветской пенитенциарной реформы. Распределительные и наблюдательные комиссии, задуманные изначально как экспертные учреждения, в результате превратились в «выпускные клапаны» пенитенциарной системы, которые должны были избавить ее от «излишков» тюремного населения. Криминологические обследования заключенных не получили широкого распространения. Специальные кабинеты были открыты лишь в нескольких местах заключения. В остальных пенитенциарных учреждениях, при нехватке профессионального персонала (психологов, психиатров и пр.), обследования заключенных были переложены на сотрудников учебно-воспитательных частей. Для послетюремной реабилитации организовывались комитеты помощи заключенным. В то время как некоторые комитеты были относительно успешны (Ленинград, Москва, Саратов), большинство, при отсутствии регулярного финансирования, оказалось неспособно выстроить устойчивую инфраструктуру помощи заключенным. В результате, патронирование редко выходило за пределы материальной поддержки и помощи в трудоустройстве.

В третьем параграфе рассматриваются общая социальная и демографическая характеристика заключенных, режим и сопротивление в тюрьмах. Администрация, не имеющая достаточно действенных дисциплинарных рычагов в своих руках, часто оказывалась неспособна полностью подавить сопротивление заключенных.

Третья глава посвящена институционализации криминологических исследований в Советской России в 1918-1930 гг. В 1920-е гг. психиатры и юристы, внесшие основной вклад в формирование криминологических исследований, стали главными бенефициарами от кооперации с новой властью и получили возможности для реализации своих научных проектов.

В *первом параграфе* делается обзор раннесоветской криминологии как науки. Показано, что криминология в 1920-е гг. была междисциплинарной наукой, объединившей представителей различных социальных и биомедицинских дисциплин.

Во *втором параграфе* рассматриваются основные криминологические центры, созданные в Советской России в 1918-1930 гг.: Диагностический институт судебной психиатрии в Петроград (1918); секция криминальной психологии Психоневрологического института (1921); Государственный институт по изучению преступности и преступника (1925); региональные криминологические кабинеты (Саратов, Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону, Иркутск и Казань).

В *третьем параграфе* речь идет об участии психиатров в раннесоветской пенитенциарной реформе: здесь рассматривается их роль в реформировании судебно-психиатрической экспертизы, а также проекты по организации учреждений для криминальных психопатов.

В *четвертом параграфе* анализируются обстоятельства разгрома советской криминологии в конце 1920-х гг. Постепенный поворот к новому политическому курсу в конце 1920-х predetermined разгром криминологии, которая потеряла свой статус, возможность свободных академических дискуссий и исследовательский характер, а эксперты оказались вытеснены из пенитенциарной системы.

В **четвертой главе** рассматривается культурно-просветительная политика и учебно-воспитательные части в местах заключения.

Первый раздел посвящен образованию заключенных, которое включало не только базовую ликвидацию неграмотности, но и профессиональное, заочное образование, а также самодеятельность (лекции, кружки, клубы, театр и пр.).

В *втором параграфе* анализируются органы самоуправления заключенных: культурно-просветительные комиссии, камерные и коридорные культурные работники, товарищеские суды.

В *третьем параграфе* рассматривается тюремная пресса. Основным источником раздела послужила газета «К трудовому общежитию»: в 1928-1929 гг. издание Таганского домзака, затем общемосковская и республиканская газета заключенных. Основной функцией газеты заключенных становится *самокритика*: заключенные имели относительно свободную возможность обличать нарушения режима администрацией и своими сокамерниками. Осваивая, таким образом, советский публичный язык, заключенные получали возможность использовать его в своих интересах. ГУМЗ поддерживало политику самокритики, так как она служила инструментом борьбы, с одной стороны, с тюремными субкультурами профессиональных преступников, а с другой — с коррупцией и произволом тюремных начальников на местах.

В **пятой главе** рассматривается труд осужденных. С самого начала в политику принудительного труда, проводимую ЦКО и ГУМЗ, было заложено противоречие: с одной стороны, «пенитенциарный идеал» (труд должен был давать заключенным

профессиональные навыки), с другой, — задача построить тюремные производства на принципе самокупаемости.

В первом параграфе показано, что попытка ГУМЗ превратить принудительные работы без содержания под стражей в основную уголовную санкцию (заменив, хотя бы частично, лишение свободы) провалилась.

Во *втором параграфе* рассматриваются производства в местах заключения в годы НЭПа. ГУМЗ делало ставку на крупные механизированные мастерские и предприятия. Однако такие производства удалось построить лишь в крупнейших городах (Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону и некоторых других), в то время как в остальных заключенные работали в небольших мастерских. Работами была занята, в лучшем случае, половина заключенных. Попытки использовать заключенных на массовых работах предпринимались, но в условиях НЭПа они не были выгодны ни для ГУМЗ, ни для ведомств или организаций, которые выступали заказчиками рабочих рук.

В третьем параграфе показана реформа тюремных производств ГУМЗ 1928-1930 гг., выразившаяся в укрупнении производств и сместившая акценты с исправления на производственную ориентацию. В конце 1920-х гг. отношение к труду начинает меняться: производственные задачи постепенно вытесняют прежнее понимание труда как пенитенциарного средства.

В шестой главе разбираются причины свертывания реформы ГУМЗ в 1929-1930 гг. Рассмотрены ведомственные дискуссии 1928-1930 гг. в контексте тех проблем, с которыми столкнулись правительство и тюремная администрация.

В первом параграфе показано, что постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике» стало ответом на «тюремный кризис» середины 1920-х гг. и опиралось на решения, предложенные руководством ГУМЗ и Государственным институтом по изучению преступности и преступника: сокращение численности тюремного населения и приоритет санкций, не связанных с лишением свободы, в первую очередь, принудительных работ без содержания под стражей. Постановление от 26 марта 1928 г., а также то, что ГУМЗ и правительство последовательно пытались осуществить его основные положения, показывает, что в тюремной политике не было радикальных изменений вплоть до весны 1929 г. Кроме того, это постановление демонстрирует, что до конца 1920-х гг. главными приоритетами для ГУМЗ оставались приверженность прогрессивной системе, борьба с рецидивизмом и более жесткий подход к профессиональным преступникам, в то время как «классовый подход» не имел серьезного значения на практике.

Во *втором параграфе* рассматривается ведомственный конфликт, разгоревшийся между НКВД и НКЮ. В частности, одной из линий споров этих ведомств стал вопрос о «мягкости» тюремной политики ГУМЗ, а также дискуссии вокруг принципов «исправления» и «классовой самозащиты». Если представители НКЮ были сторонниками более жесткой политики по отношению к «классовым врагам», то руководство ГУМЗ отстаивало прогрессивную систему и отрицало формально-классовый подход.

В третьем параграфе речь идет о том, как в изменившемся политическом контексте 1929-1930 гг. происходит отказ от пенитенциарной реформы ГУМЗ. Этот отказ в пользу системы исправительно-трудовых лагерей не вытекал из «кризиса»

тюремной системы, а стал следствием решений политического руководства летом 1929 г.

В **заключении** подводятся итоги исследования, анализируется соответствие выводов работы поставленным задачам.

Лозунги весны 1917 г., современные детерминистские криминологические теории и марксизм, рассматривавший тюрьмы как часть классового аппарата подавления, заложили основы идеологии раннесоветской тюремной реформы. Большевики разделяли веру в то, что в бесклассовом обществе, вместе с исчезновением классов, классовой борьбы и преступности исчезнет и необходимость в государстве и тюрьме. В то время как большевики не имели какой-либо собственной программы преобразований пенитенциарной системы, к подготовке и разработке нового законодательства и реформы были привлечены немарксистские эксперты из уголовного права и психиатрии. Фактически, программа тюремной реформы состояла из набора наиболее передовых идей, признанных пенитенциаристами по всему миру. Альянс нового режима со специалистами был связан как с их общим негативным отношением к царскому режиму, так и контактами, которые установились между ними и новой администрацией сразу после революции. Российские юристы и психиатры сходились с большевиками на том, что наследие царского режима приводит к распространению преступности. Новая пенитенциарная реформа была результатом сотрудничества администраторов и ученых, которые использовали эту ситуацию, чтобы расширить свои профессиональные юрисдикции за пределы традиционных областей своих дисциплин.

Идеологически, большевики позиционировали советскую пенитенциарную систему как альтернативу капиталистическим тюрьмам. Однако советская реформа по сути была воплощением идей международного движения за тюремную реформу начала XX в., которые обсуждались юристами и тюремными реформаторами задолго до революции. Пенитенциарная реформа предполагала интеграцию в тюремную систему криминологического знания и экспертной оценки. Первый советский исправительно-трудовой кодекс ввел прогрессивную систему и новую классификацию мест заключения, включающую исправительно-трудовые дома, изоляторы, трудовые дома для несовершеннолетних и пр. Принцип исправления (реабилитации) подразумевал образование, труд и получение профессиональных навыков, а также социальную и материальную поддержку после освобождения.

Однако реализация этой реформы столкнулась с рядом трудностей. Во второй половине 1920-х гг. тюремная система ГУМЗ вступает в полосу непрекращающегося кризиса, связанного с ростом тюремного населения. Одновременно, эксперты-криминологи обнаружили рост рецидивистов в местах заключения. Специалисты Государственного института по изучению преступности и преступника видели основную угрозу в небольшой группе профессиональных преступников, которая, по их мнению, составляла «ядро» преступности. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике», основанное на рекомендациях экспертов, должно было решить эту проблему, сделав преобладающими санкции, альтернативные лишению свободы, в том числе принудительные работы без содержания под стражей, в то время как тюремное заключение предполагалось оставить только для профессиональных преступников и «классовых врагов». Реформа 1928 г. подразумевала

сокращение числа заключенных в краткосрочной перспективе — и постепенный отказ от тюремного заключения в долгосрочной.

Однако события 1929 г. привели к радикальному перелому в пенитенциарной политике. В соответствии с постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г., в подчинении ОГПУ были организованы исправительно-трудовые лагеря, куда помещались заключенные, осужденные на сроки свыше трех лет. Одновременно, пенитенциарная система ГУМЗ подверглась серьезной институциональной реформе — места заключения «закрытого типа» (исправительно-трудовые дома) закрывались, в то время как основным типом учреждений становились колонии. Постановление 11 июля 1929 г. и последовавшая через полгода принудительная коллективизация обозначили коренной перелом направления, которого придерживалось ГУМЗ. Если постановление 28 марта 1928 г. предполагало сокращение численности заключенных и упор на санкции, не связанные с лишением свободы, политика после постановления 11 июля 1929 г. означала противоположное — расширение сети лагерей и «взрывной» рост числа заключенных. Это стало непосредственным результатом сталинского Великого перелома и сознательного решения политического руководства, которое в условиях ведомственной конкуренции сделало ставку на лагерную модель ОГПУ. На фоне культурной революции и ужесточения «классовой борьбы» ГУМЗ подвергся разгромной критике со стороны ведомств-конкурентов (НКЮ и ОГПУ) за свою «либеральную» тюремную политику и отсутствие «классового» подхода. Соперничество за управление местами заключения закончилась поражением и ликвидацией НКВД РСФСР 30 декабря 1930 г., что автоматически означало упразднение ГУМЗ и окончательный отказ от пенитенциарной реформы 1920-х гг. Преемник ГУМЗ, Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями НКЮ, полностью отвергло прогрессивную систему и взяло на вооружение жесткий классовый подход.

Сведения об организации, в которой выполнялось исследование, и научном руководителе. Диссертация выполнена на базе Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научный руководитель — д. и. н., в. н. с. Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Игорь Анатольевич Христофоров.

Работы, опубликованные по теме исследования:

В изданиях, включенных в список журналов высокого уровня, подготовленный в НИУ ВШЭ, а также индексируемых в базах Scopus и Web of Science:

- 1) Погорелов М. А. Медикализация преступности в раннесоветской судебной психиатрии // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 2. С. 205-220.
- 2) Погорелов М.А. Пенитенциарные музеи в Советской России в 1920-е гг. // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 103-130.
- 3) Погорелов М. А. Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы) // Социология власти. 2021. № 33 (3). С. 254–281.